

УДК 811.411.21'06

О.С. Скалозубова, аспирант кафедры языкознания
и страноведения Востока БГУ

СЕМАНТИКА ВОЗВРАТНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Проблема выделения возвратных знаков любого языка связана, прежде всего, с отсутствием четкого определения категории возвратности. В русистике долгое время господствовало убеждение, что возвратными являются глаголы с постфиксом *-ся*, обозначающие действие, совершаемое субъектом и направленное на него. Однако несостоятельность формального подхода к выделению возвратных языковых знаков доказывается фактами из других языков. Кроме того, открытым остается вопрос о разграничении категорий возвратности, переходности и залога.

В арабистике по отношению к семантике процессуальных знаков V, VI, VII, VIII и X пород¹ также применяется термин «возвратность» или его английский аналог «reflexivity» [1–6]. При этом отмечается, что значение возвратности граничит со значением медиальности (так называемого среднего залога), взаимности (взаимно-возвратного залога) и пассивности, но четкие определения данных терминов отсутствуют.

Таким образом, актуальность данного исследования заключается в необходимости создания приемлемого подхода к выявлению функций и определению семантических особенностей возвратных знаков арабского языка – такого подхода, который мог бы претендовать на статус универсального, применимого к любому языку.

Областью исследования являются процессуальные знаки арабского языка. *Предмет исследования*: семантика возвратности процессуальных знаков арабского языка. *Цель исследования*: определить семантические особенности возвратных процессуальных знаков арабского языка.

Любой процесс имеет две стадии протекания: активную и пассивную. Активная стадия процесса есть действие, пассивная – состоя-

ние. И знаки, обозначающие действия, и знаки, обозначающие состояние, таким образом, выражают процессуальность. Процессуальность стадии состояния менее очевидна для стороннего наблюдателя; его протекание направлено, скорее, на самого носителя данного свойства, потому что именно благодаря его наличию индивид в данный момент является тем, чем он является. В отличие от действия и состояния, качество – это постоянный признак индивида, имеющий для наблюдателя еще меньшее значение, а для носителя качества еще более значимый, так как качество – это неизменная, а значит, отличающая один индивид от другого характеристика. Качество постулируется не изменчивостью, а наличием. Действие, состояние и качество есть семантические типы признаков индивида [7], процессуальность которых градуально нарастает от полного ее отсутствия (в знаках, обозначающих качество) через относительно явное наличие (в знаках, обозначающих свойство) до максимального проявления (в знаках, обозначающих действие).

В арабской грамматической традиции существует подобная классификация знаков, выражающих признаки индивидов, однако лишь для морфологически непроизводной I породы. Итак, знаки I породы условно делят на три семантические группы: 1) глаголы, обозначающие действия; 2) глаголы, обозначающие временные состояния; 3) глаголы, обозначающие постоянные состояния, свойства, качества. Формулы² для образования глаголов в форме перфекта (прошедшего времени) для каждой из этих трех групп различаются только срединным гласным звуком. Глаголы, обозначающие действия, на месте срединного гласного имеют [a], глаголы, обозначающие временные состояния, – [i], глаголы,

¹ Порода – семантическая категория, в рамках которой регулярно выражаются основные значения процессуальных (за некоторым исключением) знаков: интенсивность, каузативность, пассивность, медиальность, возвратность, итеративность, взаимность.

² Согласно сложившейся в русскоязычной арабистике терминологии, под формулами здесь понимаются словообразовательные / словоизменительные модели, в которых корневой аффикс представлен устойчивым сочетанием консонантов f&l, а некорневой аффикс / аффиксы варьируются в зависимости от лексического и/или грамматического значения слова / словоформы.

обозначающие свойства или качества, – [u], и их формулы, соответственно, выглядят следующим образом: 1) *faʕala*; 2) *faʕila*; 3) *faʕula*. Например: 1) *kataba* ‘писать’, *rajaʕa* ‘возвращаться’, *jalasa* ‘сидеться, сидеть’, *daraba* ‘бить’, *amara* ‘приказывать’, *ʕarafa* ‘знать, узнавать’; 2) *marida* ‘болеть, быть больным’, *fariha* ‘радоваться, быть радостным’, *samiʕa* ‘слушать, слышать’, *ʕalima* ‘знать, быть сведущим’, *fahima* ‘понимать, понять’, *šabiʕa* ‘быть сытым’; 3) *kabura* ‘быть большим’, *ʕagura* ‘быть маленьким’, *jamula* ‘быть красивым’, *qabuha* ‘быть безобразным’, *hasuna* ‘быть хорошим’, *hašuna* ‘быть грубым, жестоким’.

От одного и того же корня могут образовываться глаголы I породы с соответствующими значениями одновременно по двум или трем формулам. Ср., например, следующие глагольные ряды и пары: *kabara* ‘превосходить в возрасте кого-л.’ – *kabira* ‘вырасти, состариться’ – *kabura* ‘быть большим’, *hazana* ‘печалить’ – *hazina* ‘печалиться’, *našafa* ‘сушить’ – *našifa* ‘быть сухим’, *wajaʕa* ‘причинять боль’ – *wajiʕa* ‘ощущать боль’ [1, с. 70].

Глаголы третьей группы, а также некоторые глаголы второй группы не являются процессуальными знаками, так как обозначают качество (признак, не изменяемый во времени), а не процесс (*haḍira* ‘быть зеленым, зеленым’, *sawida* ‘быть черным’, *hayifa* ‘быть стройным’, *ʕagura* ‘быть маленьким’, *hašuna* ‘быть грубым, жестоким’), что подтверждается функционированием оценочных тайгенов в качестве их семантических дериватов¹ (ср., например, высказывания *ʕažuma šaʕn falastīn* ‘Является важным вопрос Палестины’ и *šaʕn falastīn ʕažīm* ‘Вопрос Палестины важен’), в то время как семантическими дериватами глаголов второй и третьей групп являются масдары (имя действия) и причастия действительного (имя деятеля) и страдательного (имя поддествительного) залогов.

Глаголы первой и второй групп могут быть как переходными, так и непереходными (причем если глаголы первой группы чаще являются переходными, то глаголы второй группы – непереходными), а глаголы третьей группы всегда непереходные. Действительно, если рассматривать переходность как грамматическую категорию, суть которой заключается в наличии при сказуемом, выраженном данным глаголом, прямого дополнения, то, естествен-

но, переходными могут считаться лишь некоторые процессуальные знаки, обозначающие собственно действие. Знаки с семантикой состояния, а также знаки с семантикой возвратного действия при таком подходе являются непереходными. Подобное мнение высказывает А.В. Исаченко: «То общее, что отличает любой невозвратный глагол от соответствующего возвратного, дано не каким-то “возвратным” значением аффикса -ся (якобы обозначающего, что действие, “исходящее” из субъекта, как бы “возвращается” к тому же субъекту). В грамматическом отношении “значение” аффикса -ся сводится к эксплицитному выражению непереходности, к снятию переходного значения, имеющегося в “соответствующем” невозвратном глаголе. <...> Образования на -ся выступают в русском языке в двух функциях: в качестве лексически самостоятельных возвратных глаголов и в качестве возвратных форм невозвратных глаголов» [9, с. 374].

Если же рассматривать категорию переходности с точки зрения семантического подхода, определив ее как классификационный признак процессуальных знаков, выражающий наличие объекта, на который направлено проявление процесса, то переходными будут считаться и знаки, обозначающие действие, и знаки, обозначающие состояние, с той лишь разницей, что субъект и конечный объект действия могут различаться и совпадать, а субъект и конечный объект состояния совпадают всегда.

Возвратные знаки – это знаки, обозначающие процесс, конечный объект которого совпадает с субъектом. Из данного утверждения следует, что возвратными являются все знаки, обозначающие свойства, и некоторые знаки, обозначающие действие.

Возвратные знаки, обозначающие действие, могут быть собственно возвратными и пассивными знаками, а возвратные знаки, обозначающие состояние, являются медиальными. Собственно возвратные знаки морфологически производны от невозвратных знаков: *ʕingasala* ‘мыться, мыть себя’ от *gasala* ‘мыть’. Пассивные и медиальные знаки семантически производны от собственно возвратных знаков (*ʕintashara* ‘распространяться кем-л.’ от ‘распространять себя’; *taharraka* ‘двигаться’ (как состояние) от *taharraka* ‘двигаться’ (как действие), ‘двигать себя, прийти в движение’).

Знаки производных пород, обозначающие свойства, семантически ничем не отличаются от знаков непроизводной I породы, обозначающих свойство (ср.: *taharraka* ‘двигаться’ (как состояние) – *jalasa* ‘сидеть, быть сидящим’, *fariha* ‘радоваться, быть радостным’). Однако

¹ Семантический дериват – это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией [8, с. 61].

именно разница в происхождении (первые – семантически производны от морфологически производных возвратных знаков, вторые – первичны, непроизводны), побуждает нас разграничивать их терминологически и называть непроизводные знаки, обозначающие состояние, субъективными, а производные знаки, обозначающие состояние, – медиальными.

Подобное мнение относительно возвратных знаков русского языка высказывает В.В. Мартынов, используя, правда, общепринятую терминологию: «Формально о непереходности возвратных форм глагола можно говорить только в тех случаях, когда соответствующая невозвратная форма отсутствует (*Он кается, Он беснуется*), однако эти формы можно считать узואльно ограниченными» [10, с. 114].

Эту же мысль развивает А.В. Исаченко: «В отношении категории залога возвратные глаголы типа *учиться, заниматься* или *собираться* ничем не отличаются от близких по значению “активных” (то есть “не-пассивных”) глаголов, как *зубрить* <...> или *хотеть* (в непереходном употреблении): ср. *Он учился (занимался, зубрил) всю ночь; Он собирается (хочет) поступить в университет*» [9, с. 376].

Насколько целесообразно возвратные знаки, обозначающие действие, разграничивать на собственно возвратные и пассивные? Ведь в действительности индивид не может воздействовать сам на себя же. По простейшим физическим законам это возможно лишь при содействии других индивидов. В таком случае не имеет значения, какую роль индивид-посредник выполняет в высказывании: роль инструментала, например, или роль агенса. Именно поэтому В.В. Мартынов предлагает не разграничивать страдательный залог, возвратный глагол и возвратность, ведь, по мнению ученого, «к возвратности сводятся все перечисленные выше категории и под возвратностью понимается совпадение в субъекте (агнесе) субъекта (агенса) и объекта (пациенса). Ср.: *Дом строят* > *Дом строится* (страдательный залог?); *Петра учат* > *Петр учится* (возвратность?). Приписывание предложению *Петр учится* смысла ‘Петр учит себя’ вполне корректно. Оно корректно в той же мере, как приписывание смысла ‘Петра учат другие’, ибо действительный смысл заключается в том, что ‘Петр учит себя посредством других’ (первый субъект – Петр, второй субъект – другие). Ср.: *Петра учат* > *Петр учится*; *Петра учат учителя* > *Петр учится посредством учителей* (или ближе к узусу: *Петр обучается учителями*).

При таком подходе все же остается неясным путь к отождествлению предложений типа: *Иван бреется бритвой; Иван бреется парикмахером*. В первом предложении в качестве посредника выступает инструменталь (*бритвой*), что приводит к квалификации формы *бреется* как возвратной, во втором в качестве посредника выступает агент (*парикмахером*), что приводит к квалификации формы *бреется* как страдательного залога. Различие между *бритвой* и *парикмахером* неграмматическое, сводимое к различию так называемых «неодушевленных» и «одушевленных». Самих глагольной формы и глагольного значения это различие не затрагивает. Синтаксически приведенные предложения адекватны друг другу. Если бы лексема *парикмахер* обозначала, например, автоматический бритвенный прибор (что вовсе не может быть исключено), мы бы не усмотрели никакого грамматического различия в рассматриваемых предложениях. Отсюда нецелесообразность разграничения страдательного залога, возвратного глагола и возвратности. Возвратность – просто формальное выражение категории страдательного залога» [10, с. 114].

По нашему мнению, с семантической точки зрения разница между собственно возвратными и пассивными знаками сводится к степени активности участвующих в действии индивидов: если выше активность конечного объекта действия, то речь идет о собственно возвратном значении; если выше активность индивида-посредника, говорят о пассивном значении.

В арабском языке V, VI, VII, VIII и X породы, служащие для выражения значений собственно возвратности, пассивности, взаимной возвратности и медиальности, традиционно называются возвратными [1–6], хотя, согласно нашему подходу, к возвратным относятся и непроизводные знаки I породы, обозначающие состояние.

V и VI породы, основным значением которых является возвратность, то есть совпадение в субъекте высказывания субъекта и объекта, будучи производными от II и III пород соответственно, заключают в своей семантике особенности семантики производящих пород.

Для знаков II породы основной семантической характеристикой является интенсивность протекания процесса, обозначенного данными знаками. Интенсивность может быть качественной (*ḍarraba* ‘сильно бить’ от *ḍaraba* ‘бить, ударять’, *naffaḍa* ‘вытряхивать’ от *nafaḍa* ‘стряхивать’) и количественной. Количественная интенсивность действия, в свою очередь, может выражаться арифметически и

геометрически. Арифметически интенсивность действия выражается через множественность: 1) повторений действия одним субъектом (*ṭawwafa* 'многokrato обходить' от *ṭāfa* 'обойти кругом'); 2) субъектов, выполняющих действие (*mawwata* 'массово умирать, умирать в больших количествах' от *māta* 'умирать'); 3) объектов, на которые направлено действие (*gallaqa* 'запирать много (дверей, окон)' от *galaqa* 'запирать (дверь, окно)'). Геометрически интенсивность, являющаяся производной от арифметической, выражается через пространственное распространение действия: *farraša* 'мостить' от *faraša* 'стелить'.

У знаков V породы семантика интенсивности со временем может утрачиваться или выражаться неявно, однако она всегда присутствует в потенции: *ṭawwara* 'развивать' от *taṭawwara* 'развиваться'. Возвратность может быть прямой (как в вышеприведенном примере) или косвенной (*taṭallaba* 'добиваться для себя, требовать' от *ṭalaba* 'искать, просить, требовать'). И в том и другом случае это собственно возвратное значение. Если процессуальность знака проявляется в форме свойства, а не действия, говорят, о чем было упомянуто выше, о медиальном, или среднем, значении, например: *taḥarraja* 'быть в стесненном положении, стесняться, обостряться (о положении)' от *ḥarraja* 'стеснять, запрещать'. Кроме того, возвратность может видоизменяться в пассивное значение, когда реальный объект действия играет в высказывании роль субъекта, например: *ta'aššara* 'испытывать влияние' от *'aššara* 'влиять'. Семантика большинства глаголов V породы совмещает в себе возвратное, медиальное и пассивное значение: *tanaqqala* 'передвигаться, перемещаться' (возвратное), 'быть передвижным' (медиальное), 'передаваться' (о новостях, слухах); *tanazzafa* 'чиститься' (возвратное или пассивное), 'быть вычищенным' (медиальное или пассивное).

Основным значением знаков III породы является конативность, характеризующая действия, в исходе которых субъект особенно заинтересован, и поэтому прилагает максимум усилий при их совершении по отношению к объекту. У конативных, или тендентивных, или конативно-тендентивных (термины введены в научный оборот Ю.С. Масловым [11]) знаков семантика процессуальности, направленной на достижение предела, дополняется модальным признаком желания, стремления, попытки. Конативные глаголы обозначают условно взаимные процессы: в них могут участвовать только несколько (2 и более) индивидов, но активная роль принадлежит лишь одному из них. Что касается другого / других

индивидов, то он / они также являются участниками процесса, так как в противном случае данное значение глагола III породы теряет свой смысл. Однако в значении глагола не показывается, реагируют ли они на этот процесс. Важно, что конативные глаголы III породы передают процессы, имеющие своей целью вызвать ответный процесс. А имел ли он место на самом деле, в значении глагола не передается. Следовательно, у процессов, выраженных знаками III породы, субъект и объект действия никогда не совпадают: *jālasa* 'сидеть с кем-л.' от *jalasa* 'сидеть', *ḥāšana* 'обращаться с кем-либо грубо' от *ḥāšuna* 'быть грубым', *gālabā* 'стараться победить кого-л.' от *galaba* 'побеждать'.

В связи с тем, что глаголы III породы обозначают конативные действия субъекта, направленные на объект, глаголы VI породы с производным значением возвратности обозначают действия, направленные субъектом на самого себя косвенно через объект, то есть являются косвенно возвратными. Главная составляющая семантики VI породы – это смена ролей индивидов, поэтому знаки VI породы можно охарактеризовать как обозначающие взаимно-массовые действия, например: *taqābala* 'идти друг другу навстречу' от *qābala* 'встречать кого-либо', *tabayaea* 'заключать между собой торговые сделки' от *bāyaea* 'заключать с кем-л. торговую сделку'. То есть взаимно-возвратные знаки – это третий тип возвратных знаков, обозначающих действие (наряду с собственно возвратными и пассивными). Если субъект / субъекты и объект / объекты действия рассматриваются не как совокупность индивидов, а как единое целое, один индивид, значит, смена ролей индивидов не происходит, и глаголы VI породы приобретают значение прямой (не опосредованной объектом) возвратности, иногда дополненное значением постепенности протекания процесса: *tašā'eda* 'клубиться (о дыме)' (наряду с 'подниматься вместе с другими'), *tasā'ala* 'спрашивать самого себя' (наряду с 'задавать друг другу вопросы'), *tasāqāṭa* 'постепенно опадать (о листьях)' (наряду с 'падать вместе с другими'). Если значение возвратности выражается явно, то оно, как и в случае с V породой, совмещается с медиальным и страдательным значением: *tašāzama* 'становиться великим' (медиальность) – 'считать себя великим, гордиться' (возвратность) – 'слыть великим, считаться другими великим' (пассивность).

Семантика знаков VII породы, образованной от I породы, не носит никаких добавочных оттенков и сводится к значению пассивности,

граничащей с медиальностью и собственно возвратностью: *'infarada* 'выделять себя, сделать себя отделенным от других' (возвратность) – 'выделяться; быть единственным, отдельным' (медиальность) – 'быть отделенным кем-л. от других' (пассивность) от *farada* 'быть отдельным'.

Основным значением VIII породы, производной от I породы, является возвратность: *'ijtamaa* 'собираться' от *jamaa* 'собирать', *'intaqala* 'перемещаться' от *naqala* 'переносить, перевозить'. Значение возвратности может пересекаться со значениями медиальности и пассивности, например: *'intašara* 'расходиться во все стороны, распространяться' (возвратность) – 'быть распространенным' (медиальность) – 'быть распространенным кем-л.' (пассивность) от *našara* 'распространять'. Иногда знаки VIII породы могут приобретать оттенок «делать что-л. для себя» (рефлексивно-бенефактивное значение [5]): *'inqaṭafa* 'срывать плоды для себя' от *qaṭafa* 'срывать плоды'. В таком случае семантика глагола часто передает более осознанное, активное, акцентированное действие. Ср., например: *'iktasaba* 'приобретать, добывать что-л. (для себя)' (в результате своей деятельности, своих исканий) – *kasaba* 'приобретать, добывать, получать' (независимо от своих усилий).

Основным значением X породы является косвенная возвратность, производная от каузативности IV породы, в результате чего знаки X породы приобретают значение каузативной возвратности: «вызвать в себе действие или состояние». Это значение может преобразовываться в рефлексивно-бенефактивное: «вызвать в ком-л. действие или состояние для себя, в своих интересах», – которое, в свою очередь, неразрывно связано с медиальностью (если процесс протекает в стадии состояния, а не действия) и часто носит оттенок старания, например: *'istaʿadda* 'готовиться, снаряжаться, быть готовым' (букв. 'делать себя готовым') от *'aʿadda* 'приготовлять' (букв. 'делать что-л. готовым'), *'istaḥraja* 'извлекать, добывать (для себя)' (букв. 'прилагать старания, чтобы добиться выхода') от *'aḥraja* 'выводить' (букв. 'делать так, чтобы что-л. вышло').

По результатам данного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Переходными являются все процессуальные знаки, так как семантически категория переходности выражает наличие объекта, на который направлено протекание процесса.
2. Возвратными являются знаки, обозначающие процессы, конечным объектом которых является субъект действия, следовательно, к возвратным относятся все знаки (непроизводные и производные), обозначающие состояние, а также некоторые производные знаки, обозначающие действие.
3. Возвратные знаки, обозначающие состояние, являются медиальными, а возвратные знаки, обозначающие действие, могут быть собственно возвратными, пассивными и взаимно-возвратными.
4. Основанием для семантического разграничения собственно возвратных, пассивных и взаимно-возвратных знаков является уровень активности индивида-объекта и индивида-посредника. При более активном участии в действии индивида-объекта обозначающий данное действие знак является собственно возвратным, в противном случае – пассивным. Если же и индивид-объект (он же субъект), и индивид-посредник (он же и субъект, и объект) активны в равной степени, говорят о взаимно-возвратном значении.
5. Непроизводные знаки, обозначающие свойство индивида, – это субъективные знаки; производные знаки, обозначающие свойство индивида, – это медиальные знаки.
6. В арабском языке возвратными являются знаки V, VI, VII, VIII и X пород, каждая из которых имеет семантические особенности, отличающие ее от других пород.
7. Среди всех возвратных пород лишь X порода не связана со значением пассивности, что объясняется наличием каузативности в ее семантике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, В.М. Арабская лексикология / В.М. Белкин. – М.: МГУ, 1975. – 199 с.
2. Гранде, Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б.М. Гранде. – М.: Восточная литература, 2001. – 592 с.
3. Ковалев, А.А. Учебник арабского языка / А.А. Ковалев, Г.Ш. Шарбатов. – 3-е изд. – М.: Восточная литература, 2002. – 751 с.
4. Юшманов, Н.В. Работы по общей фонетике, семитологии и арабской классической морфологии / Н.В. Юшманов. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 271 с.
5. Holes, C. Modern Arabic structures, functions, and varieties / C. Holes. – Rev. ed. Washington, DC: Georgetown UP, 2004. – 419 p.
6. Wright, W.A. Grammar of the Arabic Language: 2 Vols / W. Wright. – 3rd ed. – Beirut: Librairie du Liban, 1996. – V. 2. – 450 p.
7. Гордей, А.Н. Части языка вместо частей речи / А.Н. Гордей // Язык. Глагол. Предложение. – Смоленск: СПГУ, 2000. – С. 258–271.
8. Курилович, Е. Деривация лексическая и синтаксическая / Е. Курилович; пер. Л.Н. Иорданской // Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Биробиджан: ИП «Тривиум», 2000. – С. 57–70.

9. Исаченко, А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – Ч. 2. – 570 с.
10. Мартынов, В.В. Категории языка: семиологический аспект / В.В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
11. Маслов, Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Л.: ЛГУ, 1984. – 263 с.

SUMMARY

The problem of detecting reflexive signs has not been solved in general linguistics yet. The article deals

with the semantics of reflexive signs of the Arabic language. Semantics analysis has revealed means of reflexive semantics representation, as well as classified reflexive signs and differentiated between basic and peripheral meanings of reflexive patterns of the Arabic verb. The established approach may provide the basis for classifying reflexive signs of any language.

Поступила в редакцию 28.10.2011 г.

УДК 81'44(410+73)

*Т.А. Селезнева, аспирант кафедры культуры речи
и межкультурных коммуникаций БГПУ*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОДИРОВАННЫХ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В современном мире, в условиях социально-экономических изменений, происходящих в обществе, необходимость изучения иностранного языка в его реальном функционировании в различных сферах человеческой деятельности стала общепринятой. Актуальность обучения иностранным языкам как средству коммуникации и социального взаимодействия людей заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с культурой народов, образом жизни «носителей» языка, особенностями менталитета, национального характера, восприятия мира, повседневного поведения людей и т. д. [1–2]. В условиях формирования межкультурной компетенции обучаемый проходит путь от культурной картины мира к языковой реальности, отражающей традиции, ритуалы, материальное наследие, передающиеся от одного поколения к другому. Иными словами, процесс изучения языковых структур тесно взаимосвязан с познанием и пониманием культуры.

Очевиден тот факт, что различные аспекты культуры не могут быть в полной мере представлены обучающимся в ходе учебных занятий. В соответствии с этим важно выявить ту часть культуры, которой необходимо овладеть в процессе обучения иностранному языку. Так, П.В. Сысоев определяет данную часть культуры как свод знаний и опыта, позволяющих учащимся быть адекватными участниками межкультурной коммуникации. Под культурой народа страны изучаемого языка автор понимает элементы социокоммуникации, особенности национальной ментальности и духовные и ма-

териальные ценности, формирующие национальное достояние [3].

Российскими учеными В.В. Сафоновой, Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым были разработаны теоретические основы «соизучения» языка и культуры. Подход, предложенный ими в рамках лингвострановедения, предусматривает целостное теоретико-описательное исследование объектов культуры как функционирующей системы культурных ценностей, отраженных в языке, и контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков. При этом культура понимается учеными в широком этнографическом смысле как система идей, традиций, взглядов, образ жизни, национальный характер и менталитет [4].

В условиях быстро изменяющейся окружающей действительности и развития языка иностранная культура предстает в виде мозаики, которая постоянно дополняется новыми элементами. Зачастую обучаемый воспринимает изучаемую культуру не как отражаемую в языке, а как создаваемую языком. Этот фактор значительно усложняет процесс обучения данной иноязычной «культурной мозаике» во всем ее многообразии в условиях монокультурной образовательной среды. В связи с этим необходимо определить, на каком конкретном уровне можно овладеть культурой вне языкового окружения.

Адаптация как приспособляемость к определенной культурной среде и способ ее познания является своеобразной точкой отсчета при выделении нормативно-адаптивного, социально-адаптивного и креативного уровней вла-